

не было удовлетвореніемъ потребности, не можетъ быть; не даромъ, Шопенгауеръ самъ приводитъ слова Вольтера: *il n'est de vrais plaisirs qu'avec de vrais besoins*. Разрѣшаетъ же Гартманъ дѣло такимъ образомъ, что въ удовольствіяхъ этого рода одновременно, въ одинъ и тотъ же моментъ, потребность и возбуждается, и удовлетворяется, притомъ одной и той же причиной ¹⁾).

Такъ почему же, спрашивается, прогрессъ все-таки играетъ только отрицательную роль, только устраняетъ различные виды зла, а не даетъ ничего положительнаго?

Послѣ приведенныхъ сейчасъ возрѣній Гартмана на природу положительныхъ удовольствій, слѣдовало бы ожидать, что онъ покажетъ, какія обстоятельства въ историческомъ прогрессѣ мѣшаютъ увеличенію положительныхъ удовольствій. Но ничего такого мы у него не находимъ. Вообще, свои возраженія противъ теоріи удовольствій Шопенгауера онъ считаетъ имѣющими только принципиальное значеніе: практическая же дѣйствительность такова, что въ приложеніи къ ней, какъ онъ старается показать, положеніе Шопенгауера можно считать совершенно вѣрнымъ.

Но мы на подробностяхъ этого останавливаться не будемъ. Для насъ весь интересъ сосредочивается на самомъ основаніи дѣла, именно на вопросѣ, — почему уничтоженіе цѣлаго ряда крупнѣйшихъ источниковъ зла непременно должно дѣлать жизнь менѣе привлекательной? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены самыя типичныя особенности пессимизма и съ особенной яркостью обнаруживается, какое центральное положеніе въ пессимизмѣ занимаетъ ученіе о прогрессѣ.

Итакъ, почему устраненіе положительныхъ золъ должно окончательно разрушить всякую привлекательность жизни? Крупнѣйшія изъ благъ жизни, говоритъ Гартманъ ²⁾, молодость, здоровье, свобода и матеріальная обезпеченность не даютъ никакого пріятнаго ощущенія, которое бы поднималось выше нулевой точки безразличія; они представляютъ только уровень основанія (*Wauhorizont*), на которомъ еще должны быть построены какія-нибудь радости жизни. Когда человѣкъ молодъ и здоровъ, свободно располагаетъ всѣми своими силами, какъ физическими, такъ и духовными, когда къ тому же онъ матеріально обезпеченъ, тогда можно сказать, онъ обладаетъ полною способностью наслаждаться жизнью. Но это только одна способность къ наслажденію, а не самое наслажденіе, только возможность счастья, а не дѣйствительное счастье: это все равно, что хорошіе зубы, — безъ примѣ-

¹⁾ Philosophie des Unbewussten. II, 298.

²⁾ Тамъ же, II, гл. 13.